

DOI: [10.14515/monitoring.2026.3.3201](https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.3.3201)

Т. В. Ицкович, И. Г. Полякова

**РЕЛИГИОЗНЫЙ АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ
VS АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ
В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О СУРРОГАТНОМ МАТЕРИНСТВЕ**

Правильная ссылка на статью:

Ицкович Т. В., Полякова И. Г. Религиозный аксиологический идеал vs аксиологическая реальность в представлениях о суррогатном материнстве // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2026. № 3. С. 145—168. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.3.3201>.

For citation:

Itskovich T. V., Polyakova I. G. (2026) Religious Axiological Ideal vs Axiological Reality in the Concept of Surrogate Motherhood. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 145—168. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.3.3201>. (In Russ.)

Получено: 27.11.2025. Принято к публикации: 04.05.2026.

РЕЛИГИОЗНЫЙ АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ VS АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О СУРРОГАТНОМ МАТЕРИНСТВЕ

RELIGIOUS AXIOLOGICAL IDEAL VS AXIOLOGICAL REALITY IN THE CONCEPT OF SURROGATE MOTHERHOOD

ИЦКОВИЧ Татьяна Викторовна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: tatiana.itckovich@urfu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5841-2943>

Tatiana V. ITSKOVICH¹ — Dr. Sci. (Philol.), Professor of the Department of the Russian Language, General Linguistics and Speech Communication
E-MAIL: tatiana.itckovich@urfu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5841-2943>

Полякова Ирина Геннадьевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории социально-политических коммуникаций, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: irinapolykova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3379-1959>

Irina G. POLYAKOVA² — Cand. Sci. (Soc.), Senior Researcher at the Laboratory of Socio-Political Communications
E-MAIL: irinapolykova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3379-1959>

¹ Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

² Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

Аннотация. В условиях постсекулярного общества позиция церкви по социально значимым вопросам сохраняет нормативный статус. Официальные документы Русской православной церкви содержат развернутую ценностную систему (аксиологический идеал), регулиующую отношение верующих к вспомогательным репродуктивным технологиям; эта система транслируется через официальные церковные документы и пастырскую практику. Цель исследования — выявить степень соответствия между аксиологическим идеалом РПЦ и аксиологической реальностью, реконструированной на основе интервью с непосредственными участниками практик суррогатного материнства. Исследование реализовано в два этапа. На первом на материале официальных документов РПЦ, проповеднических текстов и публикаций православных СМИ применяются методы категориально-

Abstract. In a post-secular society, the Church's position on socially significant issues retains its normative status. The official documents of the Russian Orthodox Church contain an elaborated value system (axiological ideal) that regulates the attitude of believers toward assisted reproductive technologies (ART); this system is transmitted through official church documents and pastoral practice. The aim of this study is to identify the degree of correspondence between the axiological ideal of the Russian Orthodox Church and the axiological reality reconstructed on the basis of interviews with direct participants in surrogacy practices. The study was conducted in two stages. At the first stage, methods of categorical-textual and linguoaxiological analysis were applied to the material of official documents of the Russian Orthodox Church, homiletic texts, and publications in Orthodox media. At the second stage, a sociolinguistic and linguoaxiological analy-

текстового и лингвоаксиологического анализа. На втором проводится социолингвистический и лингвоаксиологический анализ глубинных полуструктурированных интервью с двумя группами: женщинами, прибегавшими к услугам суррогатной матери ($n = 9$), и суррогатными матерями ($n = 16$). Биоматери — женщины в возрасте от 37 до 56 лет, имеющие высшее (преимущественно) и среднее специальное образование, состоящие в браке. Суррогатные матери — женщины от 20 до 36 лет, в основном имеющие среднее специальное образование. Проведенный анализ показал, что аксиологический идеал, формируемый Русской православной церковью в отношении современных репродуктивных технологий, опирается на традиционные религиозные ценности: цель семьи — совместное духовное возрастание в Боге и деторождение. По мнению Церкви, технологическое вмешательство в процесс зачатия и деторождения оправдан только в рамках семьи, без нанесения ущерба эмбрионам. РПЦ видит в применении современных репродуктивных технологий угрозу для духовной целостности и физического здоровья личности, считает недопустимым суррогатное материнство и экстракорпоральное оплодотворение. Анализ глубинных интервью показывает, что информанты не воспринимают официальную позицию Церкви как ориентир при принятии решений об использовании современных репродуктивных технологий. Обе группы опрошенных (и суррогатные, и биоматери) не считают грехом использование суррогатного материнства и экстракорпорального оплодотворения (ЭКО), оправдывают себя высокой целью рождения ребенка. Современная ситуация использования вспомогательных репродуктивных технологий свидетельствует, что аксиологическая реальность вступает в противоречие с аксиологическим идеалом. Высокие абстрактные религиозные ценности в постсекулярном российском

sis of in-depth semi-structured interviews was carried out for two groups: women who have used the services of a surrogate mother ($n = 9$), and surrogate mothers ($n = 16$). The biological mothers are women aged 37 to 56 years, holding higher education (predominantly) or secondary specialized education, and are married. The surrogate mothers are women aged 20 to 36 years, primarily with secondary specialized education. The study shows that the axiological ideal formulated by the Russian Orthodox Church regarding modern reproductive technologies is based on traditional religious values: the purpose of the family is joint spiritual growth in God and childbearing. According to the Church, technological intervention in the process of conception and childbirth is justified only within the family, without causing harm to embryos. The Russian Orthodox Church sees the use of modern reproductive technologies as a threat to the spiritual integrity and physical health of the individual and considers surrogacy and in vitro fertilization impermissible. The analysis of in-depth interviews reveals that informants do not perceive the official position of the Church as a guideline when making decisions about the use of modern reproductive technologies. None of the interviewed groups (surrogate mothers and biological mothers) consider the use of surrogacy and in vitro fertilization (IVF) a sin, justifying themselves by the high goal of giving birth to a child. The current situation regarding the use of assisted reproductive technologies (ART) shows that the axiological reality comes into contradiction with the axiological ideal. High abstract religious values in post-secular Russian society give way to pragmatic aspirations of women based on basic biological instincts.

обществе уступают прагматичным, основанным на базовых биологических инстинктах устремлениям женщин.

Ключевые слова: постсекулярное общество, традиционная семья, деторождение, вспомогательные репродуктивные технологии, суррогатные матери, биоматери, аксиологический идеал, аксиологическая реальность

Keywords: post-secular society, traditional family, childbearing, assisted reproductive technologies, surrogate mothers, biological mothers, axiological ideal, axiological reality

Введение

Современное российское общество отличается многополярностью взглядов, для него характерна «турбулентность общественного сознания» [Тощенко, 2020], под которым понимается сосуществование в сознании людей взаимоисключающих, противоречивых установок и оценок; отсутствие четких мировоззренческих идей; утрата жизненных ориентиров и эталонов поведения. Русская православная церковь, как и другие традиционные религии, выполняет функцию формирования в обществе фундаментальных аксиологических установок, позволяющих человеку ориентироваться в современном мире, опираясь на проверенные духовные практики.

Одна из проблемных областей, возникающих в современном обществе в результате процессов технологизации, это семья. Технологии вторгаются в глубоко интимные семейные вопросы, в частности деторождения. Использование метода экстракорпорального оплодотворения позволяет решать репродуктивные проблемы, в процесс деторождения на разных этапах вовлекаются новые акторы: врачи, осуществляющие процесс оплодотворения *in vitro*; доноры; женщины, вынашивающие «чужой» плод, — суррогатные матери.

Процесс деторождения, в Церкви традиционно считающийся таинственным, свершающимся по Божьему произволению, в секулярном обществе оказывается разложимым на этапы, требующие вмешательства других субъектов, помимо мужа и жены: так, в процесс зачатия и вынашивания вовлекаются доноры и суррогатные матери. В документе «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» от 9 июня 2008 г. РПЦ, опираясь на прототекст Священного Писания и Священного Предания, формулирует официальную позицию по использованию ЭКО и суррогатного материнства. Такую позицию, назовем ее аксиологическим идеалом, поддерживают священнослужители в проповедях и беседах с прихожанами. Изучение аксиологической реальности, то есть отношения акторов (в нашем случае это био- и суррогатные матери) к месту и роли религиозной доктрины в своей жизни, является целью исследования.

Методы исследования и эмпирическая база

На первом этапе ставится задача выявления аксиологического идеала, для чего анализируются «Основы социальной концепции Русской православной цер-

кви»¹, положения Концепции обязательны к исполнению всеми священнослужителями и мирянами, составляющими приходскую общину.

На первом этапе используются методы категориально-текстового и лингво-аксиологического анализа, разработанные Уральской научной школой лингво-культурологии и стилистики [Матвеева, 2024; Купина, 2022]. В текстах интервью методом сплошной выборки выделяются языковые единицы, отражающие исследуемую тему — отношение опрашиваемых к Богу: лексические единицы, содержащие ценностные коннотации; синтаксические конструкции, выражающие идею долженствования, что в совокупности позволяет получить целостную картину аксиологических предпочтений информантов.

Задача второго этапа — характеристика аксиологической реальности. Материалом стали полуструктурированные интервью с представителями двух целевых групп: женщины, пользующиеся услугами суррогатного материнства (так называемые «биоматери», $N = 9$), и суррогатные матери ($N = 12$). Данные об информантах представлены в Приложении. Все интервью проведены одним из авторов статьи в Екатеринбурге в период с 2023 по 2024 г., записаны с полного согласия информантов и дословно расшифрованы. Необходимо отметить, что представители целевых групп исследования плохо идут на контакт, интервью стали возможными только при посредничестве врачей-репродуктологов. Все информанты-биоматери отреагировали на просьбу лечащего врача. Выборку суррогатных матерей, кроме того, формировали методом «снежного кома» — просили уже опрошенных женщин порекомендовать своих знакомых суррогатных матерей. Информанты положительно ответили на вопрос интервьюера, верят ли они в Бога.

Постсекулярное общество и религиозный нормативный дискурс: теоретический контекст

Изучение проблем семьи — актуальный предмет исследований в различных гуманитарных науках. Аксиология рассматривает семью как уникальный социокультурный феномен, источник базовых ценностей и основу бытия личности; ценностные установки человека особенно активно проявляются в личной, семейной сфере [Вепрева, 2018]. Фамилистика как новый раздел науки о семье, изучающий ее как феномен повседневности, продуцирует идею «религии семьи» [Баркова, 2016; Семья, 2016; Черняк, 2011]; вводится понятие «семейное сознание», которое разделяется на традиционное, эгалитарное и смешанное [Ильиных, 2013], определяются гендерные особенности представлений о семье [Ильиных, 2008, 2009; Нечаева, 1997; Суй, 2016].

Обратимся к пониманию ценности, значимому в исследовании. Это «нечто всепроникающее, определяющее смысл и всего мира в целом, и каждой личности, и каждого события, и каждого поступка» [Лосский, 1931: 5]. Ценности определяются как «изначальные высшие принципы» [Петров, 2008: 28], обобщенные представления о том, что является должным, правильным, «социально желанным» в различных сферах общественной жизни [Kluckhohn, 1962: 289; Леонтьев, 2000:

¹ Основы социальной концепции Русской православной церкви. URL: <https://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 09.06.2026).

410], как устойчивые убеждения, которыми руководствуется человек или социальная группа, предпочитая тот, а не иной тип поведения [Rokeach, 1973: 12—26].

Понятие ценностей находится в неоднозначных отношениях с понятием нормы. Так, в классической работе И. Гофмана «Коммуникативное поведение в островном сообществе» («Communication Conduct in an Island Community») норма на логическом основании «род — вид» относится к понятию высшего порядка по отношению к ценности: «Нормы — это высшие социальные ценности... они служат руководством к действию и поведению, часто устанавливая своего рода внешний и внутренний предел допустимой и желательной деятельности. Нормы не предоставляют средства и цели, но дают критерии для выбора между ними» [Goffman, 1953: III].

Мы опираемся на дедуктивную идею о том, что ценности являются фундаментальным основанием, а нормы — их конкретным воплощением, полагая, вслед за Т. Парсонсом, что в основе социального действия лежит именно ценность: «Действие всегда должно рассматриваться как включающее состояние напряжения между двумя различными порядками элементов, нормативным и условным. Как процесс действие есть, по сути, процесс изменения условных элементов в направлении соответствия нормам» [Парсонс, 2000: 87]. Согласно Т. Парсонсу, нормы всегда производны от ценностей и выполняют по отношению к ним подчиненную функцию интеграции и регуляции поведения: в то время как ценности задают общее направление и высшие принципы желаемого состояния системы, нормы конкретизируют эти принципы в правилах, применимых к отдельным статусам и ролям [там же: 215].

Анализируемые нами религиозные документы (Основы социальной концепции и тексты проповедей) представляют собой свод и трактовку религиозных ценностей, опирающихся на прототексты Св. Писания и Св. Предания. В документах и проповедях РПЦ транслирует ценностный идеал, материалы же интервью эксплицируют ценностную реальность респондентов, которые, осмысливая свои поступки и принимая жизненно важные решения, создают собственную трактовку Божественной истины, собственную ценностную картину мира, по сути, свою религиозную аксиологическую реальность.

Христианские ценности сформулированы в прототекстах Св. Писания, Св. Предания и представляют собой аксиологический идеал. В христианстве сформирован комплекс идеальных семейных ожиданий, которые находятся в дихотомических отношениях с понятием аксиологической реальности и эксплицированы в текстах разных жанров, в нашем случае — в материалах интервью биоматерей и суррогатных матерей. Тексты, отражающие аксиологический идеал (проповедь, молитва, житие), относятся к ядру поля религиозной коммуникации; тексты, эксплицирующие аксиологическую реальность (брачные объявления, интервью и др.), сдвинуты к периферии. Впервые в нашем исследовании аксиологическую реальность предлагается изучать на не имеющем аналога материале — глубинных интервью, данных женщинами, напрямую связанных с современными репродуктивными технологиями.

В аксио- и теолингвистике особое внимание уделяется исследованиям корреляций между аксиологическим идеалом и аксиологической реальностью в раз-

ных христианских конфессиях (православии, католичестве, протестантизме) на материале текстов разных жанров. Аксиологический идеал изучается по текстам Св. Писания и Св. Предания, канонических молитв, акафистов; а аксиологическая реальность — на материале личных молитв, брачных объявлений, размещенных на религиозно ориентированных сайтах [Келер, 2020; Петрикова, Ицкович 2025; Пазио-Влазловская, 2021]. Отмечаются существенные профессиональные различия в отношении семейных ценностей, уровне сформированности аксиологического идеала, основанного на христианских догматах. Причина в экстралингвистических факторах: 70-летний период атеизма в России негативно сказался на общем уровне осознанного восприятия религиозных ценностей в социуме.

В социологии большинство исследователей фокусируют внимание на отношении религии и разных ее доктрин к вспомогательным репродуктивным технологиям (ВРТ) в целом и суррогатному материнству в частности. По мнению Л. П. Киященко и ее соавторов, «если сравнить разные религии с точки зрения их отношения к ВРТ, то самыми либеральными окажутся иудаизм и буддизм, а самой консервативной — христианство, в особенности православие и католицизм» [Киященко, Майленова, Брофман, 2018: 145]. Наиболее «проблемными» точками ВРТ, которые высвечиваются через призму религии, являются вопросы об угрозе святости брака и сакральности эмбриона [Best et al., 2019]. Суррогатное материнство, таким образом, остается одной из самых неприемлемых форм ВРТ с религиозной точки зрения. Тем не менее существует и альтернативная точка зрения. Так, Р. Тарабрин в работе об этических дилеммах суррогатного материнства пишет, что «противоречие христианского отношения к суррогатному материнству и реальной практики в современном социокультурном контексте обуславливает потребность подробного рассмотрения христианского дискурса биоэтических проблем СМ» [Тарабрин, 2020: 141]. Несмотря на то что суррогатное материнство не может быть использовано для лечения бесплодия в христианском понимании супружеского союза, существующий социокультурный контекст ставит перед христианским сообществом необходимость применения суррогатного материнства для решения проблемы криоконсервированных эмбрионов, поскольку остальные варианты ее решения равноценны убийству, а потому неприемлемы. Применение суррогатного материнства может быть допущено при условии, что ребенка вынашивает, рождает, а затем и воспитывает усыновившая мать.

Количественные методы не дают однозначной картины о соотношении религии и ВРТ. Например, исследование, проведенное в Германии в 2014—2015 гг., включавшее мигрантов, исповедующих различные религии (всего выборка охватывала 960 женщин), показало, что религиозность слабо коррелировала с негативным отношением к ВРТ, однако наблюдалась корреляция между повышенной религиозностью и негативным отношением к тем видам ВРТ, которые подразумевают использование донорского биоматериала и суррогатное материнство [Haug, Milewski, 2019]. Масштабное изучение в 11 странах мира отношения различных религий к суррогатному материнству показало значимость религиозного и культурного контекста, но самой значимой переменной являет-

ся переменная национальности [Yildiz et al., 2023]. Учитывая интимность и деликатность темы, наиболее релевантными в данном случае мы считаем качественные исследования. Тем не менее у нас получилось найти всего несколько соответствующих работ.

Нам удалось обнаружить еще две работы, где приводится анализ опыта суррогатных матерей, в том числе с упоминанием религиозного контекста. Это качественные исследования иранских коллег, описывающих глубинные интервью с суррогатными матерями [Tashi et al., 2014; Ghane-Mokhallesouni et al., 2022]. В работе [Ghane-Mokhallesouni et al., 2022] одна из участниц считает, что участие в программе суррогатного материнства подразумевает «божественную награду... Если вы решите хотя бы одну проблему для кого-то, Бог решит сотни проблем в вашей жизни», а женщина из второй статьи, напротив, волновалась о своем участии в программе суррогатного материнства в связи с тем, что этого не одобрит Бог: «Поначалу мы с мужем не хотели, чтобы кто-то узнал о моей беременности, потому что не были уверены в ее религиозной правомерности. Обратившись к шиитским ученым и правоведам и задав им вопросы, мы частично успокоились. На самом деле я не была полностью уверена, что суррогатное материнство является религиозно правомерным, хотя биородители утверждали обратное...» [Ghane-Mokhallesouni et al., 2022: 479]. Иранские ученые изучили факторы, влияющие на принятие решения об использовании суррогатного материнства. В рамках исследования было проведено 25 интервью с девятью парами биородителей, членами семей пациенток (две свекрови), тремя психотерапевтами, одной женщиной-врачом и двумя акушерками, имеющими большой опыт в лечебном процессе. Для анализа данных в этой работе использовался традиционный метод контент-анализа. Религиозные представления информантов были упомянуты как «еще один важный вопрос, создающий трудности для пар», наряду с отношением общества, семейным культурным кодом и психологическими проблемами [Golboni et al., 2019: 207]. Тем не менее в высказываниях и словах участников было ясно видно, что вера в Бога, а также надежда и потребность в рождении ребенка были одними из важнейших факторов, помогающих парам преодолевать все финансовые и психологические проблемы [ibid.: 208].

Наиболее интересно для нашей работы исследование Элене Гавашелишвили [Gavashelishvili, 2018]. На примере Грузии ученый рассматривает, как бездетные женщины сочетают современные репродуктивные технологии (новые и светские) с религиозными убеждениями (традиционными, сакральными и относящимися к домашнему хозяйству) в своей повседневной жизни. Автор строит свое исследование на «эффекте бриколажа, который подразумевает объединение ресурсов, со стороны кажущихся разрозненными» [ibid.: 24]. Героини данного исследования ($N = 20$) считают, что забеременели благодаря сочетанию религиозных ритуалов и новых репродуктивных технологий. Женщины, которые борются за ребенка, используют все возможные средства — они обращаются к врачам и в церковь, посещают ритуалы, покупают чудодейственные масла и другие предметы, занимают деньги на ЭКО — и помимо всех этих усилий считают внутренние убеждения главным решением своей проблемы. Одновременное обращение к медицине и вере, науке и религии не кажется им противоречивым.

Изученные работы позволяют сделать предварительный вывод о противоречивом отношении представителей авраамических религий к проблемам бесплодия и использования современных репродуктивных технологий.

Официальная позиция Русской православной церкви по вопросам вспомогательных репродуктивных технологий: аксиологический идеал

При описании аксиологического идеала наше обращение к документам Русской Православной церкви определяется как историческими причинами — на протяжении многих веков Россия была страной с главенствующей православной религией, — так и современным состоянием общества. Сегодня в стране православие является преобладающей религиозной доктриной: по данным фонда «Общественное мнение» за 2025 г., 67 % опрошенных исповедуют православие. При этом 79 % опрошенных граждан считают себя верующими, а 19 % — нет². Наши информантки, в большинстве своем не являясь воцерковленными православными, не заявляют о себе как о приверженцах другой религии, например ислама.

Официальная позиция РПЦ по вопросам семьи и биоэтики заявлена в документе «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», принятом Юбилейным архиерейским собором в 2000 г. В разделе XII.4., посвященном биоэтике, высказывается отношение к проблеме бесплодия и способам ее решения³. Обратим внимание, что это единственный официальный документ РПЦ, регламентирующий отношение церкви к социальным проблемам и являющийся обязательным для всего церковного сообщества.

РПЦ считает, что чадородие не единственная цель законного супружества: наряду с «плодом чрева на пользу» супругам испрашиваются дары непреходящей взаимной любви, целомудрия, «единомыслия душ и телес». Отсюда не все пути к деторождению признаются Церковью нравственно оправданными.

РПЦ полагает приемлемыми следующие варианты решения проблемы бесплодия супругов: смиренное принятие «бесчадия» как жизненного призвания; усыновление ребенка по обоюдному согласию супругов; допустимым средством может быть отнесено искусственное оплодотворение половыми клетками мужа, «поскольку оно не нарушает целостности брачного союза, не отличается принципиальным образом от естественного зачатия и происходит в контексте супружеских отношений»⁴.

Неприемлемо, с точки зрения РПЦ, донорство половых клеток, так как оно нарушает «целостность личности и исключительность брачных отношений, допуская вторжение в них третьей стороны»; поощряет безответственное отцовство или материнство; «подрывает основы семейных взаимосвязей», в результате чего возникает разделение родителей на биологических и «социальных».

Также морально недопустимо и противоестественно суррогатное материнство, даже если оно осуществляется на некоммерческой основе, так как приво-

² Большинство россиян назвали себя верующими // РБК. 2025. 14 мая. URL: <https://www.rbc.ru/society/14/05/2025/682498d49a7947504e4a9cfa?ysclid=mq6uudkrgi635682839> (дата обращения: 09.06.2026).

³ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. URL: <https://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 13.06.2026).

⁴ Там же.

дит к разрушению «глубокой эмоциональной и духовной близости, устанавливающейся между матерью и младенцем уже во время беременности»⁵. Церковь отмечает, что суррогатное материнство «травмирует как вынашивающую женщину, материнские чувства которой попираются, так и дитя, которое впоследствии может испытывать кризис самосознания».

Церковь осуждает также все разновидности экстракорпорального (внетелесного) оплодотворения, предполагающие заготовление, консервацию и намеренное разрушение «избыточных» эмбрионов, за которыми признается человеческое достоинство.

Запрещается «оплодотворение одиноких женщин с использованием донорских половых клеток или реализация „репродуктивных прав“ одиноких мужчин, а также лиц с так называемой нестандартной сексуальной ориентацией», потому что лишает будущего ребенка права иметь мать и отца.

Духовной причиной отрицательного отношения Церкви к современным репродуктивным технологиям является отказ от Божественной воли: «Употребление репродуктивных методов вне контекста благословенной Богом семьи становится формой богоборчества, осуществляемого под прикрытием защиты автономии человека и превратно понимаемой свободы личности»⁶.

Работы отечественных исследователей с опорой на исследования профессора Х. Т. Энгельгардта [Engelhardt, 2002] говорят о том, что религиозный институт не должен категорически отвергать новые достижения в области биомедицины. Скорее необходимо провести комплексный биоэтический анализ проблем, связанных с каждой новой технологией. В ходе этого процесса важно определить границы, основанные на религиозной доктрине, — пределы, которые верующий не должен нарушать, чтобы сохранить связь с божественным, — и при этом разрешить использование новых биомедицинских решений [Tarabrin, 2026].

Отдельного внимания заслуживает вопрос о крещении детей, рожденных суррогатными матерями. Анализ интервью показывает, что зачастую именно отказ РПЦ крестить ребенка, родившегося в результате использования современных репродуктивных технологий, заставляет женщину переосмыслить свое отношение к церковным догматам. «Основы социальной концепции» получают истолкование в дальнейших документах РПЦ, например, в 2013 г. на заседании Священного синода Русской православной церкви 25—26 декабря 2013 г. (журнал № 158) был принят документ «О крещении младенцев, родившихся при помощи „суррогатной матери“»⁷. В документе указывается на особую роль матери в рождении и воспитании детей, так как она «тесно связана со своим ребенком телесными, душевными и духовными узами». Роль матери подтверждается обращением к примеру материнства в Пресвятой Богородице, чей образ «раскрывает высочайшее достоинство женщины, уникальность ее материнского призвания»⁸.

⁵ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. URL: <https://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 13.06.2026).

⁶ Там же.

⁷ О крещении младенцев, родившихся при помощи «суррогатной матери». URL: <https://www.patriarchia.ru/db/text/3481024.html> (дата обращения: 13.06.2026).

⁸ Там же.

Важным является также разъяснение позиции Церкви об отрицательных последствиях для сторон, принимающих участие в проекте. Биологическая мать предоставляет половые клетки, но лишается подлинного материнства; суррогатная мать вынашивает и рождает ребенка, но вынуждена с ним расстаться после рождения; ребенок вместо «полноценной матери либо имеет двух неполноценных матерей, либо не имеет ни одной (как в случае с одиноким мужчиной, пожелавшим иметь „биологическое потомство“)»⁹; общество утрачивает понимание семьи, «предполагающее особые отношения между родителями и детьми... между дедушками/бабушками и внуками». Документ констатирует, что «тайнство рождения человека становится предметом торгово-денежных отношений. На смену богозаповеданному супружеству, основанному на любви и верности, приходит „рынок репродуктивных услуг“».

Крещение детей, рожденных от суррогатной матери, определяется следующими постулатами: ребенок может быть крещен, так как не виноват «в том, что его появление на свет связано с репродуктивной технологией, осуждаемой Церковью»; условие крещения ребенка — явное покаяние его родителей и восприимчивых в содеянном, их осознание того, что «с христианской точки зрения подобная репродуктивная технология является нравственно предосудительной». В противном случае крещение откладывается до «времени сознательного личного выбора ребенка»¹⁰.

Таким образом, позиция Русской православной церкви, касающаяся использования вспомогательных репродуктивных технологий и представляющая собой аксиологический идеал, опирается на догматические положения, сформулированные в Св. Писании и Св. Предании. Церковь считает неприемлемыми донорство половых клеток, использование суррогатного материнства, осуждает ЭКО, полагает использование ВРТ формой богоборчества и превратно понимаемой свободой личности.

Результаты проведенного социологического эксперимента: аксиологическая реальность

Анализ глубинных интервью, данных био- и суррогатными матерями, показывают следующие особенности аксиологической реальности, которой руководствуются акторы современного репродуктивного процесса.

Первая группа информантов — это биоматери¹¹, женщины в возрасте от 37 до 56 лет, имеющие высшее и среднеспециальное образование, состоящие в браке.

Опрошенные женщины позиционируют себя как верующие люди, что позволяет опираться на высказывания информантов при описании аксиологической реальности.

Для биоматерей характерны развернутые суждения о вере.

⁹ О крещении младенцев, родившихся при помощи «суррогатной матери». URL: <https://www.patriarchia.ru/db/text/3481024.html> (дата обращения: 13.06.2026).

¹⁰ Там же.

¹¹ Для обозначения уинформантов используются следующие сокращения: БМ — биоматери, СМ — суррогатные матери.

Я, понимаюте, я не фанатик веры. Есть ведь фанатики прям. Я посты не соблюдаю. (БМ № 1)

Я как скажу, к церкви я отношусь сдержанно. Я верю в то, что что-то существует, стараюсь жить по каким-то там. Верить и жить нужно с душой. (БМ № 2)

Ну там не яро, допустим, не так часто, может, в церкви где-то я бываю. Ну, в принципе, да (БМ № 8).

Да, я верю. В Церковь хожу редко, как-то у меня не монтируется — Бог и Церковь, это разное. Я просила новую жизнь, Он мне помог. (БМ № 9)

БМ критично относятся к внешним атрибутам Церкви, некоторые склонные к осуждению как верующих, так и священников, при этом используется тактика самооправдания.

А вот эти поклонения какие-то лишние, я считаю, что иногда это так наигранно. Все осуждают секты, а вот иногда людей, которых я там вижу — в церкви в православной, — иногда на них смотришь, а они больше сектанты. Не очень я люблю. Плюс того эти деньги, которые зарабатываются на этих бабушках, которые копейку несут в храм. А потом попы ездят на мерседесах. Я считаю, что надо верить, жить как-то с душой, а это не значит, что ты не веришь в Бога, веришь в какие-то силы. (БМ № 2)

Церковь и Бог существуют в сознании женщин отдельно. Церковь воспринимается как институция, а священнослужители — как посредники между человеком и Богом.

Женщины настроены прагматично, обращаются к Богу с молитвой в состоянии проблемы, за помощью, для медитации, для успокоения.

Я как, наверно, как обычный человек, вот случилась проблема — мы обращаемся к Богу. Вот молимся, верим, вот он у нас. Когда у нас проблема, он у нас сразу появляется. Помощник, к которому мы обращаемся. Все время беременности я каждый день просто молилась. Просто молилась, дарила... просила, чтобы все было как должно быть. Чтобы все было хорошо. (БМ № 1)

Ну, скорее для какого-то успокоения я могу что-то использовать, допустим: обсуждение или, не знаю, чтение молитв, в таком плане. Именно принятие какой-то ситуации — в таком, может быть, плане. Не знаю, совет, это не совет, скорее успокоение, да. (БМ № 8)

Обращение к суррогатному материнству и ЭКО большинство проинтервьюированных женщин не считают грехом, они оправдывают себя.

Нет, я считаю, что Бог и так нами руководит. Если это единственный вариант, почему бы им не пользоваться... Лучше использовать и потом жалеть, что ты его исполь-

зовал, чем... вообще не использовать его, и потом жалеть о том, что ты даже не попробовала. (БМ № 4)

Мне вот это все вообще не интересно — у меня есть ребенок, я его люблю, все ему отдам. Ничего ни у кого не украла, никого не обманула, что здесь плохого? (БМ № 9)

Решение об использовании ВРТ принимается самостоятельно, осознание не-правильности, греховности приходит, когда БМ сталкивается с проблемой крещения ребенка.

Я никогда не думала, что суррогатное материнство или процедура ЭКО — это, получается, грех. Я с этим столкнулась вот только. То есть мы решили... раз у меня муж христианин, мы живем в России, решили детей покрестить. И я узнала о том, что это является грехом. И что таких детей не крестят. То есть те дети, которые родились через суррогатное материнство или ЭКО, то есть церковь их, получается, рассматривает как купленных детей. То есть не естественный путь. (БМ № 1)

Таинство крещения в сознании БМ носит обрядовый, ритуальный характер. Рефлексия по поводу совершенного поступка, сопоставление его оценки с церковной и светской точек зрения приводит к внутреннему конфликту, который разрешается самооправданием, критикой Св. Писания.

Таких детей, получается, крестят, только если родители придут в церковь, покаются в совершении греха. А я вот, например, не считаю это грехом. (БМ № 1)

БМ пытаются найти в тексте Св. Писания аргументы, оправдывающие рождение ребенка при помощи ВРТ.

Хотя, опять же, если коснуться Библии — Мария-то не от Иосифа Иисуса-то родила. (БМ № 1)

Информанты ставят под сомнение актуальность для современного мира ценностных установок, зафиксированных в прототексте Св. Писания, не готовы использовать его как ориентир, как норму при принятии сложных и важных решений.

Библия писалась — тогда не было таких репродуктивных вот этих технологий. Ничего не было. Это уже в 21-м веке только появляется, а в то время ведь этого не было. Как они могут судить это грехом? (БМ № 1)

Религиозные ценностные установки могут различаться у членов одной семьи. Например, женщина обратилась к ВРТ и вступила в непримиримый конфликт с собственной матерью, которая твердо придерживается церковной точки зрения.

Вы знаете, у меня был момент, сейчас я бы сказала, что у меня чересчур верующая мама, и когда была ситуация, когда я обратилась к суррогатному материнству, она мне

заявляла такую историю, что суррогатные дети — от дьявола, и начала мне рассказывать всякую фигню. Я говорю: «Все, окей, я тебя поняла, адьес, досвидос. Я занимаюсь своими делами, ты занимаешься своими делами». (БМ № 3)

Межпоколенческий конфликт разрешается обращением к толерантному священнослужителю, который, вопреки официальной позиции РПЦ, одобряет суррогатное материнство:

И когда родился этот ребенок, почему-то все, в том числе она, о чем-то там забыли, а потом приходила в церковь и спрашивала у батюшки, что может быть по этому вопросу. Батюшка сказал, что РПЦ считает на сегодняшний момент, что разрешило суррогатное материнство, я не знаю, каким образом, от какого патриарха и все остальное, и это тоже дар Божий. После этого, когда ей сказали об этом, у нее это переключилось, и она стала по-другому к этому относиться. (БМ № 3)

Некоторые священнослужители, обязанные следовать официальной позиции Церкви и транслировать аксиологический идеал, нарушают требования и в частной беседе поддерживают принципы аксиологической реальности.

У меня есть свой батюшка, свой наставник. Он знает мою историю. И очень все переживал, все время говорит: «Я все время молюсь, все время, чтобы Господь все это даровал». И я ему сказала когда об этом, он говорит: «Молись о сохранении жизни ребенку и о здоровом рождении». Все. То есть все остальное — как все это произошло — это все можно, как говорится, вымолить прощением. (БМ № 5)

Информанты трактуют религиозные догматы, самостоятельно принимают решения, опираясь на житейский опыт.

С батюшкой не советовалось. Я считаю, что действительно на все воля Божья. Если Бог не попустит, то у меня ничего не получится. Поэтому я верю в Божью помощь... я разговаривала с более верующим старшим поколением. Они говорят: «Поговорите с батюшкой, но ЭКО считается как медицинская помощь». (БМ № 7)

Для информантов характерна попытка использовать не только тексты Св. Писания, но и современную доступную информацию как аргументы в свою пользу.

Это считается грех, особенно убийство эмбриона. Ну так мы его наоборот живым хотим увидеть. А ЭКО уже даже сейчас... Церковь не сказать, что одобряет, но и не считает таким прямо грехом ЭКО. Это как медицинская помощь. (БМ № 7)

Для информантов-биоматерей характерна попытка создания собственной стройной аксиологической картины мира, основываясь на которой, они принимают жизненно важные решения. В центре этой аксиологической реальности — ребенок, идея родительства, осознания себя в роли матери. Характерно прагматичное отношение к Богу. Женщины не считают использование ВРТ грехом,

склонны самостоятельно принимать решения, трактовать поступающую информацию в свою пользу. Рождение ребенка воспринимается как высшая цель, ради которой БМ готовы на межпоколенческий конфликт.

Следующая группа информантов — это суррогатные матери, женщины от 20 до 36 лет, в основном имеющие среднее образование, позиционируют себя как верующие, но не воцерковленные.

- А Вы верующий человек?
- Как это сказать, нет такого... я верю в себя, наверное, или в Бога в себе, нет такого, что я хожу в церковь и молюсь... (СМ № 6)
- А подскажите, верующий ли Вы человек?
- Нет. Я знаю, что Бог есть, но я не верю в христианство, буддизм, Бог внутри меня. (СМ № 12).

Женщины сомневаются в существовании Бога, а значит, и не опираются на церковные догматы при принятии важных решений:

- Ну то есть Бог для Вас не существует?
- Ну почему, есть какой-то Бог, наверное...
- А где он есть?
- Ну просто есть.
- А вы вот с этим Богом, который просто есть, не посоветовались, когда такое решение принимали?
- Стать суррогатной матерью? Ну это мое решение было, нет, не советовалась (СМ № 1).
- А Ваш внутренний Бог как относится к этим вашим проектам?
- Я не думаю об этом.
- А почему?
- Не знаю, не задавалась вопросом этим. (СМ № 6)

Даже декларативно заявляя о вере в Бога, информант тем не менее не соотносит свою веру с принятием жизненно важных решений, не опирается на религию:

- В Бога верите?
- Верю, конечно. «Господи» — говорим же, «Слава Богу» — значит, есть он.
- А в момент принятия решения о суррогатном материнстве Вы советовались с Богом? Может, как-то думали об этом?
- Нет, я не настолько углублена в тему веры.
- То есть Вам не было важно посмотреть на этот вопрос с религиозной точки зрения?
- Нет. (СМ № 2)

СМ отличаются, с одной стороны фатализмом, с другой — верой в свои силы, живут в соответствии с народными представлениями, отраженными в фольклоре: на Бога надейся, а сам не плошай; Бог-то Бог, да сам не будь плох.

У меня было желание съездить в церковь помолиться, но как-то не получилось. Ноги не дошли — значит не нужно. Значит, верила в свои силы и так. (СМ № 7)

Более того, сама идея соотнести свое решение с религиозными представлениями вызывает резкую эмоциональную реакцию отрицания:

- *А обращались ли Вы к нему [к Богу], когда принимали решение про суррогатное материнство?*
- *Ой, нет, нет. (СМ № 12)*

Для СМ, помимо отношений с Богом, важны отношения с женской частью семьи, при этом гендерные, родовые отношения оказываются приоритетными: информант скрывает от старших верующих родственников свою беременность.

- *Вы сказали, что Вы верующая.*
- *Да, я знаю. Религия не сильно к этому хорошо относится, к суррогатству, и поэтому об этом не знают моя мама и моя бабушка.*
- *А маме и бабушке Вы не рассказали?*
- *Нет.*
- *А как беременность скрывали?*
- *Мама в монастыре, к бабушке просто пока не ездила эти девять месяцев. (СМ № 3)*

Показательно, что отношения с находящимися в одной возрастной группе родственницами (сестрой) складываются откровенно, более того, сестра тоже планирует стать суррогатной матерью:

Она (сестра) сначала не очень поддерживала, потом поддержала и сейчас по моим стопам тоже, почему бы не сделать так. Думает о суррогатстве. Донором уже была один раз. (СМ № 3)

Ценностные религиозные установки старшего поколения не интериоризируются младшими, которые принимают самостоятельные решения. Важно, что сохраняется ценность уважительных семейных отношений: младшие скрывают от старших травмирующую ситуацию. Группа акторов, влияющих или должных влиять на принятие решения о продолжении рода, состоит, судя по материалу интервью, из Бога, старших женщин (мать, бабушка) и СМ. Можно было предполагать, что СМ в процессе принятия решения о деторождении будет ориентироваться на религиозные ценности (Бога) или женские родовые представления (мать, бабушка). Анализ материала показывает, что СМ ставят на первое место свои желания и предпочтения. Теоцентризм уступает место эгоцентризму. При этом продолжает играть значимую в коммуникации со старшим поколением роль другоцентризм — ключевое понятие лингвокультурологии, под которым понимается ориентация на гармоничное общение и учет потребностей собеседника, свойственный русской культуре.

Суррогатные матери отличаются самостоятельностью и отсутствием сомнений в принятии решения об участии в программе.

- В религии они... нельзя быть донором, потому что свое, своего ребенка отдаю кому-то, или же суррогатство — я должна воспитать этого ребенка. Но учитывая, что сейчас всякие технологии...
- То есть Ваш Бог вас не одобряет?
- Получается, что так.
- Или у вас внутри есть внутренний Бог, который по-другому думает?
- Нет, я верующая. Тут скорее всего что действует то самое мое правило, которое я покиваю, но сделаю по-своему.
- Богу покиваете?
- Я покиваю, я потом покаюсь, но я сделаю здесь и сейчас, потому что на данный момент это мне сейчас и здесь нужно. Я имею в виду те же самые средства. (СМ № 3)

Информанты относятся к вере прагматично, следуют принципам так называемого народного православия: поступают на свое усмотрение, откладывая на потом решение этических вопросов.

Некоторые СМ предпринимают попытки изучить теоретические основания вопроса, найти подтверждение своему выбору в истории.

Слушайте, я много, что поизучала за это время про суррогатное материнство. Кто-то говорил, что это не то... А потом я где-то прочитала, то ли где, что какая-то информация до меня откуда-то дошла, что... Просто по-другому это все было, но это было, и это нормально, то есть ничего здесь такого нет. (СМ № 9)

Отметим, что Русская православная церковь негативно относится к попыткам найти в Св. Писании аналоги суррогатному материнству, считает это недопустимым: «Сторонники новых подходов к рождению детей выработали целую оправдывающую идеологию с отсылками, в том числе и к Священному Писанию. Так, например, они доходят до псевдобогословской параллели между суррогатным материнством и библейской историей рождения Изаиила. Но это более чем вольное сравнение: Агарь не была суррогатной матерью, она не отказывалась от своего сына и не продавала его. Кроме того, практики, описываемые в Ветхом Завете, далеко не всегда применимы в современной жизни»¹².

Анализ глубинных интервью показал, что суррогатные матери в большинстве называют себя верующими или по крайней мере не отрицают такого определения, но при этом фиксируется расхождение между декларируемой позицией («я верю в Бога») и реальным поведением («я верю в себя»). Информанты опираются на собственные силы, живут земной жизнью, сакральное бытие и христианские ценности существуют раздельно и не влияют на поступки женщин.

Заключение

Современное постсекулярное общество отличается равноправной множественностью зачастую противоречащих друг другу систем нравственных координат. Развитие технологий приводит к изменению казавшихся незыблемыми социаль-

¹² Протоиерей Максим Обухов. Суррогатное материнство. Пастырский подход // Церковный вестник. 2014. 26 марта. http://e-vestnik.ru/church/surrogatnoe_materinstvo_pastyrskiy_7821/ (дата обращения: 13.06.2026).

ных сфер, в частности семьи. Использование вспомогательных репродуктивных технологий по-разному оценивается религиозной и светской моралью.

Русская православная церковь, формулирующая аксиологический идеал, негативно относится к суррогатному материнству, донорству половых клеток и ЭКО, видя в ВРТ не просто угрозу традиционной семье, но и форму богоборчества. Материалы же интервью эксплицируют ценностную реальность респондентов, которые, осмысливая свои поступки и принимая жизненно важные решения, создают собственную трактовку Божественной истины, собственную ценностную картину мира, по сути, свою религиозную аксиологическую реальность. Своеобразным центром этой аксиологической реальности является ребенок, ради появления которого женщина идет на применение современных репродуктивных средств. Бог в этой аксиологической реальности милосерден, помогает в рождении ребенка. Церковь как институт принимается женщиной, если ее служители благословляют ее намерение завести ребенка. Имплицитно присутствующие в анализируемых текстах официальные религиозные нормы, регламентирующие поведение, если и осознаются акторами процесса, то вступают в противоречие с их ценностной реальностью. По сути, респонденты, опираясь на самостоятельно созданную ими ценностную картину мира, следуют собственным нормам, используя суррогатное материнство, донорство клеток и ЭКО.

Аксиологическая реальность входит в противоречие с аксиологическим идеалом. В дилемме между следованием мировоззренческим установкам и своим желанием иметь ребенка женщина выбирает ребенка. Обращение к Богу носит сугубо прагматический характер, авторитет священных текстов подвергается сомнению или истолковывается в пользу информанта.

Современная ситуация использования ВРТ показывает, что аксиологический идеал находится в контраверсивных отношениях с аксиологической реальностью. Высокие абстрактные религиозные ценности в постсекулярном российском обществе уступают прагматичным, основанным на базовых биологических инстинктах устремлениям женщин: репродуктивный инстинкт (желание иметь ребенка любой ценой) и инстинкт самосохранения (стремление к психологическому комфорту, избавление от стресса бездетности, реализация жизненной программы). Религиозный запрет на ЭКО и суррогатное материнство вступает в конфликт именно с этими двумя доминантами. В постсекулярном обществе биологическое начало (инстинкт «быть матерью» и «продолжить ДНК») часто побеждает социально-конфессиональные запреты.

Список литературы (References)

1. Баркова Л. А. Духовное видение семьи и материнства в творчестве В. В. Розанова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2016. № 1. С. 114—122.
Barkova L. A. (2016) The Spiritual Vision of Family and Motherhood in the Works of V. V. Rozanov. *Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy*. No. 1. P. 114—122. (In Russ.)

2. Вепрева И. Т. Инновационные методы исследования аксиологического содержания речевого быта семьи // *Cross-Cultural Studies. Education and Science*. Т. 3. 2018. № 3. С. 107—113.
Vepreva I. T. (2018) Innovative Methods of Research of the Axiological Content of the Speech Life of the Family. *Cross-Cultural Studies. Education and Science*. Vol. 3. No. 3. P. 107—113. (In Russ.)
3. Ильиных С. А. Влияние гендера на картину мира: опыт социологического исследования // *Социология: методология, методы, математическое моделирование*. 2009. № 28. С. 66—86.
Il'inykh S. A. (2009) The Influence of Gender on the World Picture: The Experience of Sociological Research. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling*. No. 28. P. 66—86. (In Russ.)
4. Ильиных С. А. Образы мужчин и женщин в зеркале гендерных представлений // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2008. № 14. С. 120—125.
Il'inykh S. A. (2008) Images of Men and Women in the Mirror of Gender Perceptions. *Bulletin of Buryat State University*. No. 14. P. 120—125. (In Russ.)
5. Ильиных С. А. Фамилистика: введение нового понятия «семейное сознание» // *Известия Тульского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2013. № 3—1. С. 231—240.
Il'inykh S. A. (2013) Family Studies: Introducing a New Concept of “Family Consciousness”. *Proceedings of Tula State University. Series: Humanities*. No. 3—1. P. 231—240. (In Russ.)
6. Келер А. И., Ицкович Т. В., Семейные ценности в христианских молитвах // *Молодые голоса: Сборник трудов молодых ученых / Министерство образования и науки Российской Федерации, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Уральский гуманитарный институт, Департамент «Филологический факультет», Кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации*. Вып. 9. Екатеринбург: Ажур, 2020. С. 11—16.
Keler A. I., Ickovich T. V., (2020) Family Values in Christian Prayers. In: *Young Voices: Collected Papers of Young*. Iss. 9. Ekaterinburg: Azhur. P. 11—16. (In Russ.)
7. Киященко Л. П., Майленова Ф. Г., Брофман С. А. Status praesens: проблема духовного, религиозного и этического в биомедицинских технологиях помощи пациентам с бесплодием // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2018. Т. 19. № 4. С. 145—157.
Kiyashchenko L. P., Mailenova F. G., Bronfman S. A. (2018) Status Praesens: The Spiritual, Religious and Ethical Aspects of Biomedical Technologies in Support of Patients with Infertility. *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*. Vol. 19. No. 4. P. 145—157. (In Russ.)
8. Купина Н. А. Гуманитарные ценности текущего времени // *Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и куль-*

- туры. 2022. Т. 28. № 3. С. 86—96. <https://www.doi.org/10.15826/izv1.2022.28.3.048>.
- Kupina N. A. (2022) Humanitarian Values of the Current Time. *Proceedings of Ural Federal University. Series 1: Problems of Education, Science and Culture*. Vol. 28. No. 3. P. 86—96. <https://www.doi.org/10.15826/izv1.2022.28.3.048>. (In Russ.)
9. Леонтьев Д. А. Ценность // Человек: философско-энциклопедический словарь. М.: Наука, 2000.
Leont'ev D. A. (2000) Value. Man: Philosophical-Encyclopedic Dictionary. Moscow: Nauka. (In Russ.)
10. Лосский Н. О. Ценность и бытие: Бог и Царство Божие как основа ценностей. Париж: YMCA Press, 1931.
Losskii N. O. (1931) Value and Being. God and the Kingdom of God as the Basis of Values. Paris: YMCA Press. (In Russ.)
11. Матвеева Т. В. Категориально-текстовый анализ речевого произведения: обоснование и применение метода // Quaestio Rossica. 2024. Т. 12. № 3. С. 901—920. <https://www.doi.org/10.15826/qr.2024.3.915>.
Matveeva T. V. (2024) Categorical-Textual Analysis of a Speech Work: Rationale and Application of the Method. *Quaestio Rossica*. Vol. 12. No. 3. P. 901—920. <https://www.doi.org/10.15826/qr.2024.3.915>. (In Russ.)
12. Нечаева Н. А. Патриархатная и феминистская картины мира: анализ структуры массового сознания // Гендерные тетради. СПб.: Санкт-Петербургский филиал Института социологии РАН, 1997. Вып. 1. С. 17—43.
Nechaeva N. A. (1997) Patriarchal and Feminist Worldviews: Analysis of the Structure of Mass Consciousness. In: *Gender Notebooks*. St. Petersburg: St. Petersburg Branch of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. Iss. 1. P. 17—43. (In Russ.)
13. Пазио-Влазловская Д., Ицкович Т. В. Супружеские ожидания в религиозном контексте: католические и православные брачные объявления // Quaestio Rossica. 2021. Т. 9. № 2. С. 702—714. <https://www.doi.org/10.15826/qr.2021.2.604>.
Pazio-Wlazłowska D., Itskovich T. (2021) Marital Expectations in a Religious Context: Catholic and Orthodox Marriage Advertisements. *Quaestio Rossica*. Vol. 9. № 2. P. 702—714. <https://www.doi.org/10.15826/qr.2021.2.604>. (In Russ.)
14. Парсонс Т. О структуре социального действия / под общ. ред. В. Ф. Чесноковой, С. А. Белановского. М.: Академический Проект, 2000.
Parsons T. (2000) The Structure of Social Action. Moscow: Akademicheskyy Proekt. (In Russ.)
15. Петрикова А., Ицкович Т. В. Католические и православные венчальные проповеди: аксиологический аспект // Русин. 2025. № 80. С. 147—165. <https://www.doi.org/10.17223/18572685/80/9>.

- Petrikova A., Itskovich T. V. (2025) Catholic and Orthodox Wedding Sermons: Axiological Aspect. *Rusin*. No. 80. P. 147—165. <https://www.doi.org/10.17223/18572685/80/9>. (In Russ.)
16. Петров А. В. Пересечение понятий «добро» и «зло» в этике и праве // Наука, общество, человек: Вестник Уральского отделения РАН. 2008. № 3. С. 28—31.
Petrov A. V. (2008) The Intersection of the Concepts of “Good” and “Evil” in Ethics and Law. *Science, Society, Human: Bulletin of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. No. 3. P. 28—31. (In Russ.)
 17. Тарабрин Р. (2020) Этические дилеммы суррогатного материнства: христианский дискурс в современном социокультурном контексте // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. Т. 38. № 4. С. 123—144.
Tarabrin R. (2020) Ethical Dilemmas of Surrogacy: Christian Discourse in Contemporary Socio-Cultural Context. *State, Religion, Church in Russia and Abroad*. Vol. 38. No. 4. P. 123—144. (In Russ.)
 18. Семья: феноменология повседневности / под общ. ред. Е. С. Элбакян, Г. С. Широкаловой. Нижний Новгород: НГСХА, 2016.
Elbakyan E. S., Shirokalova G. S. (eds.) (2016) Family: The Phenomenology of Everyday Life. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Agricultural Academy. (In Russ.)
 19. Суй Ш. Вербальные знаки ценностных предпочтений современной женщины (на материале брачных объявлений) // Научный диалог. 2016. № 11. С. 110—120.
Syui Sh. (2016) Verbal Signs of the Value Preferences of the Modern Woman (Based on the Material of Marriage Advertisements). *Nauchnyi dialog*. No. 11. P. 110—120. (In Russ.)
 20. Тощенко Ж. Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Весь Мир, 2020.
Toshchenko Zh. T. (2020) Society of Trauma: Between Evolution and Revolution (A Theoretical and Empirical Analysis). Moscow: Ves Mir Publishing House. (In Russ.)
 21. Черняк Е. М. Парадигмы исследования семьи // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. 2011. № 1. С. 79—85.
Chernyak E. M. (2011) The Research Paradigm of the Family. *Modern Social Psychology: Theoretical Approaches and Applied Research*. No. 1. P. 79—85. (In Russ.)
 22. Best M., Sleasman M., Hegedus E., Schlub T. E. (2019) Protestant Christian attitudes to ART. *Human Reproduction Open*. No. 3. Art. hoz018.
 23. Deonandan R. (2020) Thoughts on the Ethics of Gestational Surrogacy: Perspectives from Religions, Western Liberalism, and Comparisons with Adoption. *Journal of Assisted Reproduction and Genetics*. Vol. 37. No. 2. P. 269—279.
 24. Engelhardt H. T. (2000) The Foundations of Christian Bioethics. Netherlands: Swets & Zeitlinger Publishers.

25. Farid M. S., Tasnim S. (2023) Assisted Reproductive Technologies: Comparing Abrahamic Monotheistic Religions. *Asian Bioethics Review*. Vol. 15. No. 1. P. 53—67.
26. Fisher A. M. (2013) The Journey of Gestational Surrogacy: Religion, Spirituality and Assisted Reproductive Technologies. *International Journal of Children's Spirituality*. Vol. 18. No. 3. P. 235—246.
27. Gavashelishvili E. (2018) Childless Women in Georgia: Between Religious Restrictions and Medical Opportunities. *Anthropology of the Middle East*. Vol. 13. No. 1. P. 24—42.
28. Ghane-Mokhallesouni Z., Askari-Nodoushan A., Nasrabad H. B. R., Sadati A. K., Firouzabadi R. D. (2022) Representation of Apositive Experience'of Surrogacy in Yazd, Iran: A Qualitative Study. *International Journal of Reproductive Biomedicine*. Vol. 20. No. 9. Art. 769.
29. Goffman E. (1953) *Communication Conduct in an Island Community*. Chicago, IL: University of Chicago.
30. Golboni F., Jalali A., Dinmohammadi M., Taghizadeh Z., Nouri P., Salahsoor M. R. (2019) Factors Affecting on Couple's Decisions to Use Surrogacy: A Qualitative Study. *Journal of Family & Reproductive Health*. Vol. 13. No. 4. P. 202—214.
31. Haug S., Milewski N. (2019) Women's Attitudes toward Assisted Reproductive Technologies — A Pilot Study among Migrant Minorities and Non-migrants in Germany. *Comparative Population Studies*. Vol. 43. <https://doi.org/10.12765/CPoS-2019-06>.
32. Kluckhohn C. (1962) *Culture and Behavior: Collected Essays*. New York, NY: Free Press.
33. Ladas I. (2024) Interreligious Perspectives on Surrogate Motherhood. *Bioethica*. Vol. 10. No. 2. P. 39—54.
34. Radmehr Z., Ghodrati F. (2025) Investigating the Motivations of Mothers to Volunteer for Gestational Surrogacy: A Systematic Review Study. *Journal of Iranian Medical Council*. Vol. 8. No. 3. P. 419—436
35. Rokeach M. (1973) *The Nature of Human Values*. New York, NY: Free Press.
36. Tarabrin R. (2026) Bioethical Issues as Triggers of Religious Transformation in Orthodox Christianity. *Bioethics*. Vol. 40. No. 1. P. 45—51. <https://doi.org/10.1111/bioe.70006>.
37. Tashi S., Mehran N., Eskandari N., Tehran, T. D. (2014) Emotional Experiences in Surrogate Mothers: A Qualitative Study. *Iranian Journal of Reproductive Medicine*. Vol. 12. No. 7. Art. 471.
38. Yıldız M., Felix E. O., Ademiju O., Noibi T. O., Gomes R. F., Tanimowo A., ... Şengan A. (2023) Attitudes of Different Religions Toward Surrogacy: Analysis of 11 Countries' Situation Using Machine Learning Approach and Artificial Neural Networks. *Journal of Religion and Health*. Vol. 62. No. 5. P. 3230—3251.

Приложение. Список информантовТаблица 1. *Суррогатные матери*

Номер	Возраст	Образование	Семейное положение	Наличие детей	Дети, рожденные в СМ
1	31	Среднее специальное	В третьем браке	2	2
2	33	Высшее	В разводе (2 брака)	2	1
3	30	Среднее специальное	Во втором браке	3	1
4	33	Высшее	В разводе	2	2 + 6-й месяц беременности
5	30	Среднее	В разводе	2	2
6	34	Высшее	В разводе	1	4
7	26	Высшее	В разводе	2	6-й месяц беременности
8	31	Высшее	Во втором браке	3	1
9	33	Среднее специальное	Мать-одиночка	1	3
10	36	Среднее	В разводе	1	2
11	28	Неоконченное высшее	В разводе	1	1
12	33	Высшее	В гражданском браке	1	1
13	36	Высшее	В гражданском браке	2	1
14	25	Среднее специальное	В гражданском браке	1	1
15	34	Высшее	В разводе	2	7-й месяц беременности
16	26	Среднее специальное	В браке	2	1

Таблица 2. **Биоматери**

№ пп	Возраст	Образование	Должность/ профессия	Семейное положение	Наличие собственных детей
БИО 1	37	Высшее	Бухгалтер	Второй брак	Сын от первого брака 15 лет
БИО 2	47	Высшее	Инженер	Второй брак	Нет
БИО 3	39	2 высших	Руководитель проектов, банковский сектор	Первый брак	Сын 3 года
БИО 4	43	Высшее	Инженер по то	Пятый брак	Дочь от первого брака 17 лет
БИО 5	45	Высшее	Помощник крупного руководителя	Второй брак	Нет
БИО 6	40	Высшее	Руководитель высшего звена, банковский сектор	Второй брак	Дочь от первого брака 17 лет
БИО 7	50	Высшее	Директор ресторанной компании	Первый брак	Сын 30 лет и дочь 6 лет
БИО 8	39	Высшее	Эколог	Первый брак	Нет
БИО 9	52	Высшее	Инженер	Второй брак с одним и тем же мужчиной	Нет